

Глава 25. Герой, пасующий перед грошом

Девятый дядя назначил встречу в десять утра под мостом.

Голова Янь Шаня всё ещё была обмотана марлей. Он мельком подумал: не решат ли должники, раз он явился в таком виде, что он — типичный слабак, которого можно не принимать в расчёт? Но тут же одёрнул себя: Девятый дядя наверняка дерётся лучше всех, а он сам, скорее всего, идёт просто для массовки — в качестве группы поддержки.

Он пришёл вовремя. Увидев Девятого дядю, Янь Шань замер: он не ожидал встретить здесь третьего.

Лу Цунбай стоял в школьной форме, из-под рукава которой виднелся бинт, доходящий до самого основания ладони. Заметив Янь Шаня, он невольно нахмурился.

— Ты-то что здесь забыл? — в голосе проскользнуло раздражение.

Янь Шань уже собирался огрызнуться, но его опередил Юань Лунцин.

— Это я его позвал, — спокойно произнёс дядя. — В деле с тем складом его аура поможет быстрее всё разрулить.

Лу Цунбай поджал губы, явно намереваясь возразить, но в последний момент сдержался.

Янь Шань повернулся к Девятому дяде:

— Дядя, а к кому именно мы идём?

— К отцу Лу Цунбая, — бросил Юань Лунцин.

Янь Шань опешил.

***

Восточный пригород города Т считался захолустьем. Из цивилизации здесь был разве что RT-Mart, да и тот вечно пустовал. В округе — лишь автосервисы и частные склады. Раньше тут работали три кирпичных завода, но теперь от них остались лишь заброшенные остовы.

Разбитая двухполосная дорога, вся в ухабах и рытвинах, разрезала местность пополам. Стоило промчатся тяжёлому грузовику, как в воздух взмывали столбы пыли и ядовито-чёрной гари. Ещё немного — и город закончится совсем.

Небольшой склад находился в четырёхстах метрах к западу от RT-Mart, прямо по соседству с придорожным навесом, где мыли машины и заливали воду. Когда они проходили мимо, обитающая под навесом семья как раз обедала. Люди оторвались от мисок и проводили незваных гостей пристальными взглядами.

Юань Лунцин был в цветастой рубашке, заправленной в брюки. На поясе, позвякивая при каждом шаге, висела увесистая связка ключей.

Он небрежно махнул рукой в сторону юга:

— Сяо Лу, вон там, за поворотом — Седьмая средняя школа. Твоя бывшая, помнишь? Перед тем как ты перевёлся в Четвёртую среднюю школу, я приходил туда оформлять твои документы.

— Помню, — едва слышно отозвался Лу Цунбай.

Пройдя ещё немного, Девятый дядя что-то вспомнил и обернулся к Янь Шаню:

— Шань-шань, когда зайдём, тебе не нужно ничего говорить. Просто сядь и сиди.

Янь Шань кивнул.

***

Дверь склада была наглухо закрыта. Перед входом высились кучи опилок, рядом стоял заляпанный маслом пикап. К складу примыкал жилой дом — ветхая двухэтажка с магазинчиком на первом уровне.

Девятый дядя заглянул в лавку и крикнул хозяйке:

— Хозяйка, хозяин Лу у себя?

Женщина, чистившая люффу, раздражённо махнула ножом куда-то вверх:

— Пьёт он там.

Янь Шань ещё на подходе к дому услышал шум застолья — выкрики игроков в «пальцы» и резкий, визгливый голос женщины, распекавшей детей на местном диалекте. Он поморщился. Ему стало тошно от этой атмосферы. После смерти отца он давно не сталкивался с подобным «уютом».

Несмотря на то что в доме явно кто-то был, на стук Лу Цунбая никто не открыл.

Девятый дядя достал сигарету, сунул зажигалку в карман брюк и со всей силы бабахнул кулаком в дверь.

— Лу Цзюнь, открывай! Знаю, что дома! — зычно крикнул он.

Голоса за дверью стихли. Кто-то приглушённо произнёс: «Кажется, Юань Лунцин пришёл».

Спустя минуту дверь открыла измождённая женщина. Окинув их подозрительным взглядом, она спросила:

— Девятый брат, ты чего пришёл?

— Сюй Сюжун, это не твоё дело, я к Лу Цзюню, — отрезал Юань Лунцин и вошёл внутрь.

В лицо ударил тяжёлый смрад дешёвого алкоголя и табачного перегара. Янь Шань почувствовал инстинктивное отвращение, но послушно последовал за дядей. Лу Цунбай на мгновение замер на пороге и лишь затем, медленно и нехотя, вошёл следом.

Комнатушка была крошечной, метров двадцать, не больше — гостиная, совмещённая с кухней. В углу, за пластиковым заборчиком на засаленном коврикe среди разбросанных игрушек, сидел двухлетний ребёнок.

За круглым столом в центре сидело несколько мужчин. Полураздетые, потные, они пили и теперь все как один уставились на вошедших. Тот, что сидел посередине, прикурил сигарету, щурясь от дыма. На его подбородке темнела жёсткая щетина. Янь Шань отметил, что мужик недурён собой — даже красив. В его чертах угадывалось лицо Лу Цунбая.

Мужчина осклабился:

— Девятый брат.

— Девятый пришёл! — подхватили собутыльники. — Садись, выпей с нами!

Кто-то заметил Лу Цунбая и заржал, обращаясь к Лу Цзюню:

— Гляди, Девятый тебе твоё отродье привёл!

Лу Цзюнь усмехнулся, но взгляд его остался холодным. Янь Шань услышал, как он негромко пробормотал на диалекте: «Опять за деньгами припёрлись».

— Я по делу, Лу Цзюнь, — начал Девятый дядя. — Ты и сам прекрасно знаешь, зачем я здесь.

Давай без лишней болтовни.

Мужчины потеснились. Сюй Сюжун принесла три табурета и втиснула их к столу. Юань Лунцин усадил парней. Ему тут же налили. Кто-то протянул сигарету — дядя взял её и заложил за ухо. Другой рукой он указал на мальчиков:

— Про этого вы и так знаете. А вот этот парень — племянник Янь Дэшэна.

Один из собутыльников понимающе хмыкнул:

— А, значит, сын того самого Янь Дэцюаня? Ого, у пацана же целое здание в собственности, — в его голосе прозвучала плохо скрываемая зависть.

Лу Цзюнь окинул Янь Шаня оценивающим взглядом и приторно улыбнулся:

— Так, значит, это малый со стороны домовладельца?

Янь Шань, выросший под крылом Девятого дяди, мгновенно считал ситуацию. Он понял, зачем его сюда привели. Изобразив вежливую покорность, он вставил:

— Да. Мой второй дядя попросил меня проверить, как обстоят дела на складе.

Его улыбка дрогнула.

Девятый дядя методично затушил окурок в пепельнице:

— Лу Цзюнь, из сообщества к тебе уже приходили. Если и дальше будешь игнорировать — подадим в суд. Будет волокита, нервы. Мы хотим решить всё полюбовно и быстро. Я здесь, чтобы передать тебе слова Янь Дэшэна. Он сказал дословно: «Если человек должен родному сыну и не отдаёт, значит, скоро он начнёт задерживать и арендную плату».

Лу Цзюнь принуждённо хохотнул, чокнулся с кем-то и жадно отпил. Помолчав, он посмотрел на Янь Шаня льстиво, заискивающе:

— Ой, да домовладелец зря переживает! Весь мой лес на складе лежит, куда я денусь? Не задолжаю я ни копейки.

Он глубоко затянулся и выдохнул дым в лицо Девятому дяде:

— Девятый брат, ты человек влиятельный, врать не стану. Ну нет у меня сейчас оборотных средств. Хозяин мебельной фабрики сам мне должен, а мне семью кормить надо. Этому щенку

давать нечего.

Лу Цзюнь хлопнул себя по карманам, будто доказывая пустоту:

— У твоего дяди по материнской линии деньги есть, вот к нему и иди. А у меня ни гроша.

В этот момент из угла, где стоял манеж, раздался пронзительный крик Сюй Сюжун:

— Не верьте ему! Врёт он всё! Есть у него деньги! Он их все на свою подстилку тратит! Сходите на рынок, найдите ту бабу, что свиной торгует, — у неё все его деньги!

Лу Цзюнь вскочил, схватил пустую бутылку и замахнулся на женщину:

— Опять язык чешется?! Опять побоев захотела?!

Бутылка со свистом пролетела мимо Сюй Сюжун и вдребезги разлетелась о пол. Комнату наполнил резкий запах спирта. Ребёнок в манеже зашёлся в истерике. Но женщина, не обращая внимания на осколки, продолжала визжать, почти срывая голос:

— Врёт! На прошлой неделе за партию красного дерева он двадцатку получил! Домой принёс только пять тысяч! На баб и выпивку у него всегда находится!

Лу Цзюнь опрокинул стул и, сжав кулаки, двинулся на неё:

— Прибью суку! Посмотрим, как ты тогда запоёшь!

В комнате начался хаос: рычание мужика, визг женщины, крики собутыльников, пытающихся их разнять, и разрывающий уши плач младенца. Янь Шань почувствовал, как внутри всё закипает от ярости. Он встал, намереваясь уйти, но обернулся и увидел Лу Цунбая.

Он смотрел на этот балаган с ледяным спокойствием, в котором Янь Шань вдруг разглядел бесконечную, выматывающую усталость.

Янь Шань замер. До него вдруг дошло: вот в чём варится Лу Цунбай всё последнее время. Гнилая среда, тупые, жадные люди. И он вынужден возвращаться в этот ад, чтобы выбивать копейки, которые принадлежат ему по праву.

Янь Шань положил руку на плечо Лу Цунбая. Тот вскинул голову, нахмурившись:

— Чего тебе?

— Да ничего, — ответил Янь Шань. — Просто радуюсь, что ты нормальным вырос. В таком гадюшнике легко было бы сгнить.

***

Визит превратился в дешёвый фарс.

Лу Цзюнь, подогретый алкоголем, впал в буйство: хватал жену за волосы, орал. Юаню Лунцину и остальным пришлось приложить немало усилий, чтобы их растащить. Сюй Сюжун завывала на весь дом, захлёбываясь слезами. Не будь здесь свидетелей, Лу Цзюнь наверняка забил бы её до полусмерти.

Тяжело дыша, он тыкнул пальцем в сторону сына:

— Я в долгах по уши! Нет у меня для тебя ничего! Иди к мамаше своей сумасшедшей, у неё тряси! А у меня брать нечего!

Сюй Сюжун рыдала:

— Глаза мои не видели, за кого я выходила! На стороне гуляешь, на детей плевать... Лу Цзюнь, ты человек или тварь?

— Закрой пасть! — рявкнул он. — Думаешь, при людях я тебя не трону? В этом доме мужик решает!

Лу Цунбай смотрел на это равнодушно. Янь Шань не выдержал первым. Он схватил друга за руку:

— Пошли отсюда. Хватит. Это не дом, это помойка.

Они выскочили на улицу и побежали к дороге. Здесь, среди пыли и грохота грузовиков, Янь Шань впервые почувствовал, что воздух — чистый. Даже отойдя на несколько метров от здания, они всё ещё отчётливо слышали доносящиеся сверху крики.

Спустя долгое время из подъезда вышел Девятый дядя. Он выглядел выжатым и устало тёр переносицу.

— Дядя, ну что? — спросил Янь Шань. — Он даст денег?

— Похоже, у него и впрямь ничего нет. Даже паспорт готов был Сяо Лу в залог отдать, лишь бы отстали. Думаю, не соврал.

Девятый дядя откашлялся и вздохнул:

— Слава богу, что Лу Цунбай не с ним живёт. Пропавший человек.

— И куда мы теперь? — спросил Янь Шань.

Лу Цунбай помолчал и негромко произнёс:

— Дядя, забудьте. Нет так нет. Вы и так много для меня сделали.

Юань Лунцин покачал головой:

— Ты же ещё ребёнок...

Он долго смотрел на дорогу, о чём-то размышляя, и наконец решился:

— Поехали. Заглянем к твоему дяде по матери.

***

Дядя Лу Цунбая жил в старой пятиэтажке в центре города. Он работал курьером, а его жена — уборщицей в недорогом отеле. Когда-то у них была дочь, но она умерла в двухлетнем возрасте от болезни. Больше детей у них не было.

В тесной гостиной стоял тяжёлый, удушливый запах варёных трав. Свет не зажигали, в комнате царил полумрак. Дядя и тётя сидели на низких табуретах, молча выслушивая Девятого дядю.

Первой заговорила тётя:

— Лу Цзюнь... Он всегда был таким. Ещё когда Сяоцзюнь была беременна, он по бабам бегал. Ненадёжный он. Наверняка опять всё проиграл, вот и денег нет.

Дядя хмуро курил в стороне, не проронив ни слова.

Юань Лунцин заговорил осторожно:

— Я понимаю, что это не ваша забота. Но парню нужно на что-то есть. Мы в сообществе не хотели вас беспокоить, знаем, что вы за Сяоцзюань присматриваете, вам и так тяжело. Но на Лу Цзюня надежды никакой.

Тётя не выдержала:

— Они в разводе! Почему мы должны отвечать за Лу? У нас на руках больная женщина, откуда у нас лишние деньги?

— Я просто прошу подумать, — мягко перебил её Девятый дядя. — Лу Цунбай в школе один из лучших. У него большое будущее. Помогите ему сейчас, а когда он встанет на ноги, всё вернёт. Нельзя такому таланту в грязи пропадать. У вас ведь своих детей нет... Считайте это добрым делом. Он вырастет и будет вам как родной.

Тётя посмотрела на Лу Цунбая, долго боролась с собой и наконец тяжело вздохнула:

— Девятый брат, скажу честно: не в том дело, что мы не хотим. Мы просто не можем. Лекарства для его матери стоят дорого, уход за ней тоже на нас. Мы и так на пределе.

Дядя внезапно прервал её:

— А-Сю, хватит.

Наступила тишина. Девятый дядя не знал, что ещё сказать. Воздух в комнате, казалось, загустел от невысказанной печали.

Янь Шань посмотрел на дядю, на тётю и, набравшись смелости, произнёс:

— Тётушка, он сегодня ничего не ел. В конце семестра нам дадут стипендию. Как только он получит деньги, он всё вам вернёт. Пожалуйста.

Супруги переглянулись. Тётя повернулась к Лу Цунбаю и нахмурилась:

— Ты что, голодный?

Лу Цунбай не ожидал, что разговор повернёт в эту сторону. Он мгновенно покраснел, как будто совершил что-то постыдное, и, опустив голову, едва заметно кивнул.

Тётя долго смотрела на него. Слова застревали у неё в горле. Наконец она обернулась к мужу:

— Дядя, что скажешь?

Дядя помолчал.

— Сколько у нас осталось?

Тётя ушла в спальню и вынесла расшитый матерчатый кошелёк. Открыв его, она отсчитала четыреста юаней и вложила их в руку Лу Цунбая. В кошельке осталась всего одна сотня.

— Это пособие твоего дяди, — тихо сказала она. — Не обессудь, что мало. Поешь в школе нормально, не голодай. Ты ведь ещё ребёнок... Учись хорошо. Ты — наша единственная надежда. Если совсем туго станет, приходи к дяде.

Лу Цунбай сжимал четыре тонкие купюры так, будто это были раскалённые угли. Руки его дрожали.

— Понял, — прошептал он, едва сдерживая слёзы. — Спасибо, тётя.

<http://bllate.org/book/17575/1713121>